

УДК 323.3

К проблеме субъектности молодежи

Ушамирский Алексей Эдуардович

Кандидат юридических наук, доцент,

Волжский институт экономики, педагогики и права,

404111, Российская Федерация, Волгоградская область, Волжский, ул. Советская, 6;

e-mail: viepp@list.ru

Аннотация

Рассматривается проблема субъектности российской молодежи. Отмечается, что феномен субъектности до настоящего времени не получил необходимого анализа в научной литературе. Доказывается, что качество субъектности формируется не только в процессе творчества, но в любой суверенной деятельности. Предлагается определение субъектности молодежи как свойства, заключающегося в ее способности принимать самостоятельные решения и действовать, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов. Обосновано, что субъектность молодежи формируется под воздействием трех видов потребностей – физиологических, предметных (низших социальных) и высших социальных, которые, в свою очередь, предопределяют образование трех видов установок – неосознанных аффективных, социальных ориентаций в каждой из сфер практической деятельности и общей интенции личности. На каждом из этих уровней существуют серьезные барьеры для формирования субъектности, что делает ее лишь потенциально возможной в современном российском социуме.

Для цитирования в научных исследованиях

Ушамирский А.Э. К проблеме субъектности молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 16-29.

Ключевые слова

Молодежь, субъектность молодежи, интеграция молодежи, адаптация молодежи, молодежные ценности.

Введение

Одной из проблем, которые постоянно поднимаются исследователями молодежи, является проблема субъектности. Она неоднократно рассматривалась как применительно к Рос-

сии в целом [Вишневский, Шапко, 2006; Вишневский, Шапко, 2010; Елишев, 2015; Елишев, 2011; Ильинский, 1999; Кибанов, Ловчева, Лукьянова, 2015; Ковалева, 1996; Ковалева, Луков, 1999; Маршак, Рожкова, 2015; Чупров, Зубок, Уильямс, 2001], так и к российским регионам [Бабинцев, Реутов, Бояринова, 2007; Бариев, 2006; Дегтярева, 2005; Дегтярева, 2012], но до настоящего времени остаются не проясненными многие ее аспекты. Идея субъектности декларируется, подчеркивается ее значимость, но само определение данного понятия выглядит предельно абстрактным. В частности, в энциклопедическом словаре «Социология молодежи» сказано, что субъектность молодежи – «характеристика молодежи как активной силы в воспроизводстве общества и его изменении» [Зубок, Чупров, 2008]. Однако не предпринимаются попытки объяснить, насколько реальной является возможность для молодежи обрести такой статус, и чем он определяется.

Между тем идея субъектности молодежи приходит в определенное противоречие с одним из фундаментальных в современном обществознании представлением о маргинальности любого молодого поколения. В.Т. Лисовский в свое время подчеркивал: «Молодежь – это социально-возрастная группа, находящаяся в процессе профессионального и социального становления. В зависимости от социальных, региональных, национальных условий возрастные границы могут значительно варьироваться. Условно можно принять за нижнюю границу 15-17 лет – срок окончания средней школы, а за верхнюю – 30 лет – период окончательного включения в социально-профессиональную структуру общества» [Лисовский, 2005].

Эта вполне обоснованная точка зрения, как нам представляется, акцентирует внимание на вечной транзитивности молодежи, в то время как атрибут субъектности предполагает достаточно четкую фиксацию статуса человека или группы как носителя конкретных качеств. Вероятно, осознание возникающего противоречия побудило некоторых исследователей рассматривать молодежь как группу, постоянно осваивающую субъектность. А.И. Ковалева и В.А. Луков в свое время подчеркивали, что «переходный характер молодости, на который обращают внимание все исследователи, начиная, по крайней мере, с Ж.-Ж. Руссо, может быть, во-первых, увязан с социальными обстоятельствами (освоение все большей меры социальной субъектности, движение преимущественно объектных к преимущественно стратегиям жизнеосуществления), а во-вторых, разрешен не только на уровне принципа, но и на уровне механизмов» [Ковалева, Луков, 1999, 147]. Субъектность трактовалась этими авторами как способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности [Там же, 149].

Связь творчества с феноменом субъектности подчеркивают и другие авторы: «Проявление творческого начала, выраженного в способности быть не только объектом влияния, но и активным субъектом воздействия на самого себя и окружающий мир, составляет основу социальной субъектности в духовной сфере», – утверждает Ю.А. Зубок [Бабинцев, 2007, 20]. В свою очередь, белгородские исследователи пишут, что целью молодежной политики «должно стать формирование социальной субъектности молодежи, т. е. способности высту-

пать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности» [Там же, 251], также связывая субъектность и творчество.

Таким образом, субъектность молодежи чаще всего связывается с ее способностью рабатывать и внедрять новые социальные артефакты. Но такой подход нам представляется не вполне корректным, так как опирается на редуцированную трактовку понятия субъекта. Возможно, он уместен применительно к области духовной жизни, но относительно общества в целом означает, что из числа субъектов социального действия должны быть исключены все те, кто не участвует в производстве нового, хотя и принимает решения, значимые для всего социума или его отдельных частей. Между тем, число таких акторов велико. Достаточно сказать, что к ним относятся руководители органов власти различного уровня, степень инновационности которых весьма проблематична, но тем не менее нельзя отрицать их способность принимать значимые для общества решения. Означает ли это, что им не присущ атрибут субъектности? Очевидно, нет. Если же рассмотреть определение социального субъекта, то в нем фиксируется способность человека быть познавательным и действующим существом [Иванов, 2003, 611]. И не более того. Следовательно, можно предположить, что качество субъектности формируется не только как следствие участия в творчестве, но как результат возможности и способности принимать и реализовывать самостоятельные решения (самостоятельно действовать).

Наиболее значимыми признаками субъектности в этом случае являются суверенность и функциональность, предопределяющие формирование деятельного сознания. Его суть сводится к пониманию своей личной инициативы как субъективно возможной и общественно значимой основы собственного существования. В социальном смысле субъект – автор выбора, в организационном – субъектность можно представить как единство целеполагания и целеосуществления [см. Пригожин, 1992]. Следовательно, социальная субъектность – это *свойство человека, группы или общества, заключающееся в их способности принимать самостоятельные решения и действовать, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов*. Именно в таком качестве данное понятие может быть применено и к молодежи.

Вполне естественно, что в данном случае возникает ряд довольно очевидных проблем. Прежде всего, ясно, что степень субъектности любой социальной группы, в том числе и молодежи, меняется по мере развития. Но, во-первых, надо учитывать, что социальные изменения сегодня не носят линейного характера, осуществляются под влиянием различных аттракторов и максимально вариативны. Следовательно, несостоятельно представление о развитии молодежи как о прямом движении «от объекта к субъекту». Оно отражает упрощенный взгляд на социальные процессы, в которых якобы невозможен возврат к прежним состояниям или отклонение от доминирующей стратегии развития. В соответствии с теорией автопоэзиса [См.: Матурана, 1996; Матурана, Варела, 2001] молодежь, как и другие биологические и социальные объекты, способна самонастраиваться и самодостраиваться в ответ на внутренние и внешние изменения. При этом такое самонастраивание может при-

нимать форму адаптации к окружающей среде, даже если принципы самоорганизации этой среды не соответствуют ценностно-смысловой системе молодых людей и лишает их способности к самостоятельной познавательной и практической деятельности. Поэтому допустимо утверждать, что процесс обретения молодежью субъектности крайне неустойчив, внутренне противоречив и даже конфликтен.

Во-вторых, если молодежь постоянно осваивает субъектность, то каковы критерии оценки уровня этого освоения? Ответа на данный вопрос исследователи, как правило, не дают. Но без него крайне трудно выявить специфику позиционирования молодежи в социуме и понять характер ее взаимодействий с другими его представителями. К тому же усиление вариативности молодежного развития повышает значимость строгих критериев субъектности.

В-третьих, развитие молодежи – это одновременно и ее интеграция в социальные структуры. В.Ф. Левичева подчеркивает, что социальное самоопределение молодежи может рассматриваться, «с одной стороны, как поэтапный процесс ее включения во все сферы общественной жизни и достижения относительно равновесного состояния в социальной структуре общества, с другой – как осознание молодыми людьми своей принадлежности к определенным социальным группам с закрепленными в них социальными статусами и ролями, то есть формирование устойчивой социальной идентичности» [Левичева, 2008, 417]. Следовательно, процесс освоения субъектности всегда включает в себя момент «взаимодействия социальной среды и личности через осознание внутренней связи с этой средой и проявляется интеграция. Органическое включение молодежи в общественные структуры инициируется и детерминировано референтными для личности изменениями социальной среды, а также активностью самой личности, направленной на интернализацию этих изменений, и психологической готовностью на этой основе того или иного вида деятельности» [Зубок, 2003, 18]. Но самоидентификация с социальными структурами – тенденция, противоположная наращиванию субъектности.

Наконец, в-четвертых, молодежь существенно дифференцирована в субкультурном отношении. Ее различные группы выбирают отличающиеся друг от друга жизненные стратегии [Бабинцев и др., 2007, 5]. Среди них можно выявить стратегии наращивания субъектности, но реализуются и стратегии «сознательной десубъективизации» либо путем социального исключения, свертывания жизненного пространства, либо путем утраты собственной молодежной идентичности и образцов «взрослой культуры». Исключение, подчеркивает Ю.А. Зубок, «представляет собой отторжение различных групп молодежи, во-первых, от средств жизнеобеспечения; <...> во-вторых, от политических и социальных прав. Как статусная характеристика социальное исключение символизирует положение отторгнутой, исключенной социальной группы [Зубок, 2007, 212-213]. На наш взгляд, именно в молодежной среде максимально ярко прослеживается уникальный феномен парадоксального человека, «сочетающего в себе взаимоисключающие ориентации, которые противостоят друг другу, исключают друг друга, несовместимы между собой» [Тощенко, 2004, 4].

Логично предположить, довольно отчетливо выраженная субкультурная дифференциация делает весьма проблематичной постановку вопроса о субъектности молодежи в целом. Скорее, ее различные когорты обладают неодинаковой субъектностью или вовсе ее лишены. А для некоторых из них характерен сознательный отказ от субъектности и, как следствие, удовлетворенность своим положением ведомого, даже аутсайдера.

Кроме того, социальная субъектность молодежи может быть как социально ориентированной, так и асоциальной. Вторым вариантом довольно типичен для России. Обращая на это внимание, Т.И. Морозова утверждает: «Безусловно, молодежь стала в целом более субъектной, то есть способной самостоятельно выстраивать свою жизнь, обеспечивать реализацию жизненных планов. Однако субъектность молодежи в большинстве случаев оказалась односторонней, квазисоциальной, то есть замкнутой исключительно на себя, без обращения к общественному контексту» [Морозова, 2012]. Асоциальная (деструктивная) субъектность, выраженная в форме преступности, терроризма, социального неповиновения, агрессивности и других отклонений требует особого внимания.

Наконец, субъектность молодежи может существенно различаться в зависимости от уровня, на котором она формируется и реализуется. Молодые люди способны быть самостоятельными и активными в приватной сфере (семья, досуг), но пассивными в публичной жизни. Так, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги пишут: «Молодежь как наиболее динамично реагирующая группа на все то, что не принято считать традиционным, обнаруживает наибольшую активность в освоении новых возможностей и форм проведения свободного времени» [Горшков, Шереги, 2010, 190]. В то же время эти ученые скептически оценивают возможности молодежи в модернизации социальной структуры [Там же, 591]. Очевидно, возможна и противоположная ситуация – публичная активность при инфантилизме на микроуровне.

Таким образом, мы считаем возможным рассматривать молодежь только как потенциального субъекта любого регионального сообщества в России. Утверждения об актуализации молодежной субъектности в целом, на наш взгляд, обусловлены чисто индивидуально-личностными факторами. В их числе следующие:

1) модное увлечение (впрочем, вполне понятное) ряда исследователей субъект-субъектной парадигмой социального управления. В основе ее лежит представление о нем как о совместной деятельности участников (в прежней трактовке – субъекта и объекта), заключающейся в постановке и достижении солидарно поставленных целей. Эта парадигма весьма привлекательна, ориентирована на социальную перспективу, но вряд ли можно всерьез утверждать, что она действительно реализуется в России;

2) недостаточно объективная, причем чрезмерно оптимистическая оценка тенденций развития молодежи в конце 90-х – начале 2000-х годов, в которой в большинстве случаев утверждалось повышение роли молодежи в социуме. На основе такой оценки была сформулирована концепция молодежи как лидирующей группы общества. Ее энергично и после-

довательно отстаивал А.А. Козлов. Еще в 1998 году он утверждал, что «наша молодежь – поколение будущего. Правда, что все более очевидно, весьма далекого от тех благостных картинок, которые рисовали в общественном сознании (и не только на обыденном уровне, но и на профессиональном) в начале пути десятилетие назад» [Козлов, 1998, 239]. Однако последующее развитие не подтвердило оптимистических ожиданий. По крайней мере, в той степени, в какой на это рассчитывали авторы. Молодежь не стала (да и не могла стать) общественным лидером – группой, ведущей за собой других акторов, формулирующей стратегические цели, определяющей способы их достижения;

3) стремление руководителей и работников, занятых в сфере государственной молодежной политики повысить собственный социальный статус и статус своих структур. Правящая элита обычно относится к ним как к периферийной отрасли государственного и муниципального управления, обычно рассматривая как инструмент решения текущих проблем (например, мобилизация молодежи на выборы).

Тем не менее в самой идее субъектности молодежи много привлекательного. Констатация потенциальной природы субъектности не означает, что, рассуждая о ней, мы создаем очередной симулякр, но позволяет остаться на реалистичных позициях, а именно:

- 1) не нужно переоценивать степень (или уровень) субъектности молодежи;
- 2) говоря о наращивании субъектности, не замечать нелинейности данного процесса;
- 3) представлять дифференциацию молодежи как субъекта социальных изменений;
- 4) изучать феномен субъектности, выделяя не только предпосылки ее формирования, но и значимые социокультурные и психологические барьеры.

Условия формирования наращивания качества субъектности у молодежи

Вполне естественным является вопрос об условиях формирования наращивания у молодежи качества субъектности. Мы полагаем, что субъектность молодежи формируется под воздействием трех видов потребностей – физиологических, предметных (низших социальных) и высших социальных, которые, в свою очередь, определяют образование трех видов установок – неосознанных аффективных, социальных ориентаций в каждой из сфер практической деятельности и общей интенции личности.

На физиологическом уровне предпосылкой формирования субъектности является способность молодых людей провести селекцию своих потребностей, определив те, что способствуют саморазвитию личности, избавляют ее от искусственных зависимостей, усиленно формируемых массовой культурой. Сделать это крайне трудно, поскольку идеологи масскульта активно предлагают молодежи свое решение проблемы «умения жить», сводящееся, в частности, для молодежи к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой [Запесоцкий, 2011, 12]. При этом в широких масштабах формируются нетрадиционные естественные потреб-

ности (например, «ловля покемонов»), которые искусственно лишаются модальности, выводятся за рамки рациональной оценки и предлагаются как безальтернативные способы жизнеобеспечения.

Неоднозначные процессы характеризуют эмоциональную составляющую сознания молодого человека. Предпосылкой субъектности здесь является способность контролировать эмоции, оставаться независимым от манипуляций эмоциональными состояниями, широко практикуемыми субъектами социального управления различного уровня (от родственников до государственных структур). И если на микроуровне это, как правило, удается, то на макроуровне составляет значительные трудности, поскольку манипуляция эмоциональными состояниями молодежи приобрела индустриальный характер.

В частности, широко используется технология конструирования псевдоуверенной активности, то есть стимулирования действий, связанных с участием молодых людей в изменениях социальной реальности, которые:

- 1) иницируются внешними по отношению к молодежи субъектами;
- 2) по своим целям не адекватны интересам молодежи;
- 3) носят имитационный характер, принимая форму действий, «в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией» [Бабинцев, 2012, 26].

На когнитивном уровне субъектность определяется способностью молодого человека к саморефлексии, представляющей собой критическую самооценку собственного опыта, опирающуюся на проверенные практикой и научно обоснованные заключения. Следствием дефицита саморефлексии становится смутный оптимизм и симуляция потенциала субъектности, выражающаяся в упрощении реальности, подмене рационального анализа эмоциональными оценками, преувеличении собственных возможностей, акцентировании внимания на намерениях в противовес практикам.

Особое значение для формирования субъектности имеет ценностно-смысловой комплекс личности. Допустимо утверждать, что молодежь настолько субъектна, насколько ее ценности способны оппонировать ценностям старших поколений. Именно этим оппонированием стимулируется молодежный нонконформизм, означающий, по сути, попытку реализовать запрос на ценности, дефицит которых ощущается в социуме и в отчетливой – иногда в эпатажной – форме заявить о своей субъектности.

Однако предположения о ценностном противостоянии молодежи и старших поколений в публичной сфере, популярные в 90-е годы прошлого века [Ильинский, Шаронов, 1995], не подтвердились последующим развитием. Так, исследование «Оценка эффективности реализации региональной стратегии формирования солидарного общества», проведенное белгородскими исследователями в 2015 году (n = 1000), не позволило выявить значительных различий между ценностями молодежи и ценностями регионального сообщества в целом (табл. 1).

Таблица 1. Ценности молодежи и ценности регионального сообщества

Ценности	Молодежь	Все население
Духовность, общественная мораль	20.36%	22.20%
Справедливость	24.43%	29.90%
Благосостояние	16.74%	17.90%
Служение Отечеству, патриотизм	7.24%	11.90%
Законность	19.00%	19.70%
Культура общения, вежливость	23.08%	20.40%
Ответственность за будущее	14.03%	14.50%
Безопасность	17.19%	20.80%
Открытость власти	10.41%	9.90%
Права и свободы	10.86%	12.20%
Толерантность	11.31%	9.20%
Солидарность	13.12%	11.90%

В настоящее время молодые люди в основной массе довольно успешно адаптируют свои ценностно-нормативные комплексы к доминирующим в обществе, предпочитая стабильность протесту. Примечательно, что М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги оценивают долю молодежи, которая испытывает трудности «с вхождением в нынешнюю социальную структуру российского общества» в 13 [Горшков, Шереги, 2010, 71]. Они подчеркивают, что в молодежном сознании «явно доминирует суждение о предпочтении стабильности и эволюционного развития над быстрыми революционными изменениями» [Там же, 96].

Мы полагаем, что в молодежном сознании на ценностно-смысловом уровне ощущается явный дефицит предпосылок к формированию субъектности в публичной сфере. Молодые люди в большинстве случаев не пытаются формировать самостоятельные диспозиции, как правило, отказываясь от общественного участия. В результате общественные ценности в их сознании существенно девальвируются [Зубок, Яковук, 2008, 132], и если приходится выносить ценностные суждения, они мало отличаются от типичных для старших поколений.

Молодежь заметно более субъектна в частной жизни. Характер ее индивидуалистских ценностей, в центре которых стоят свобода, польза, деньги, удовольствие [Зубок, Яковук, 2008, 132-133], определяет весьма жесткую ориентацию на самостоятельные решения и действия, даже тогда, когда они не подкреплены необходимыми ресурсами. Этот тип молодого человека стал формироваться в 90-е годы прошлого века. В свое время А.И. Шендрик дал ему весьма точную характеристику: «В моральном плане он сдержанно агрессивен. Ему свойственна определенная доля жестокости, которая, с его точки зрения, является вполне оправданной, ибо он твердо уверовал в то, что «человек человеку – волк» и что каждая оказываемая ему услуга или одолжение определяется интересом того человека, который ее оказывает. Он не верит, что добрые дела делаются бескорыстно, в силу морального долга, веления совести. Последняя для него является абстракцией. Он предпочитает говорить о порядочности, которую понимает как пунктуальность взятых на себя обязательств, но при условии, что ему будут

платить той же „монетой“. При решении возникающих проблем он рассчитывает только на себя, считая, что большинство людей занято только собой и надеяться на их помощь – значит быть утопистом» [Шендрик, 1994, 55]. Исследователь считал, что описываемый им «тип личности является порождением иной культуры, во многом отличающейся по своим ценностям, направленности, способам культурно-творческой деятельности, формам бытия индивида от той культуры, которая была сформирована русской нацией в процессе ее исторического развития» [Там же, 57]. Эту тенденцию подтверждают и более поздние исследования, авторы которых подчеркивают, что «нынешняя российская молодежь в целом ценит индивидуализм и агрессивность в качестве средства достижения жизненных благ» [Петрушенко, 2003, 72].

Заключение

Таким образом, мы наблюдаем противоречие между сравнительно высокой степенью освоения молодежью субъектности на микроуровне и ее минимальным проявлением на макроуровне – в публичной сфере, которое является следствием не только отсутствия необходимых для этого условий, но и отказа молодежи от активного участия в преобразовании общества. При этом относительно высокий субъектный потенциал молодежи на микроуровне подкрепляется ярко выраженным прагматизмом молодых людей, готовностью, несмотря на все сложности, отстаивать свои индивидуальные интересы в определенной степени агрессивностью по отношению к ближайшим референтам.

Библиография

1. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 24-29.
2. Бабинцев В.П. (ред.) Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии. Белгород: БелГУ, 2007. 276 с.
3. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. Белгород: Константа, 2007. 160 с.
4. Бариев М.М. Институционализация государственной молодежной политики в Республике Татарстан: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2006. 175 с.
5. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26-36.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
7. Дегтярева О.В. Молодежная политика: региональный аспект: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2005. 200 с.

8. Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М.: Канон+, 2015. 320 с.
9. Запесоцкий А.С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. 2011. № 11. С. 4-17.
10. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2003. 268 с.
11. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
12. Зубок Ю.А., Чупров В.И. (ред.) Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М.: Academia, 2008. 608 с.
13. Зубок Ю.А., Яковук Т.И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008. 202 с.
14. Иванов В.Н. (ред.) Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.
15. Ильинский И.М. О молодежной политике российского политического централизма. М.: Социум, 1999. 130 с.
16. Ильинский И.М., Шаронов А.В. Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи. М., 1995. 256 с.
17. Кибанов А.Я., Ловчева М.В., Лукьянова Т.В. Реализация молодежной политики в Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2015. 165 с.
18. Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М.: Институт молодежи, 1996. 224 с.
19. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
20. Козлов А.А. Только поколение надежды! // Материалы Российской ювенологической научно-практической конференции «Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века?». СПб., 1998. Ч. 1. С. 237-240.
21. Левичева В.Ф. Самоопределение // Зубок Ю.А., Чупров В.И. (ред.) Социология молодежи: энциклопедический словарь. М.: Academia, 2008. С. 416-417.
22. Лисовский В.Т. О молодежи и молодежной политике: в 2 т. СПб.: Химиздат, 2005. Т. 1. 312 с.
23. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // СОЦИС. 2015. № 8. С. 157-160.
24. Матурана У. Биология познания // Петрова В.В. (сост.) Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95-143.
25. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
26. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона: дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2012. 459 с.

27. Петрушенко Т.К. Образование и успех в представлениях учащейся молодежи // Молодежная Галактика. 2013. № 9. С. 71-77.
28. Пригожин А.И. Проблема субъекта – в центре процесса приватизации // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 22-32.
29. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 3-17.
30. Филиппов В.М. (ред.) Молодежь России в начале XXI века. М.: МАТИ, 2007. 430 с.
31. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 160 с.
32. Шендрик А.И. Коллизии ценностного сознания российской молодежи в постперестроечный период // Материалы международной научной конференции «Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции». М., 1994. С. 51-59.

On the problem of youth subjectness

Aleksei E. Ushamirskii

PhD in Law, Associate Professor,
Volzhsky Institute of Economics, Education and Law,
404111, 6 Sovetskaya st., Volzhsky, Volgograd region, Russian Federation;
e-mail: viepp@list.ru

Abstract

The article deals with the problem of subjectness of the Russian youth. The author of the article points out that the phenomenon of subjectness has not yet been analyzed well enough in the scientific literature. He proves that subjectivity forms not only in the process of creation, but in any activity. The author proposes to define youth subjectness as the ability to make independent decisions and at the same time act affecting the behavior of others. He proves that the youth subjectness is influenced by three types of needs – physiological, subject (lower social) and higher social. They, in turn, determine the formation of three types of facilities – unconscious affective, social orientations in each area of practice and general intention of the person. There are significant barriers to the formation of subjectivity at each level, which makes it potentially possible in the modern Russian society. The author comes to the conclusion that there is a contradiction between a relatively high degree of youth subjectness at the microlevel and its minimum expression at the macrolevel. At the same time a relatively high subjective potential of young people at the micro level is supported by a pronounced pragmatism of young people, readiness to defend their individual interests with the help of aggressiveness.

For citation

Ushamirskii A.E. (2016) K probleme sub'ektnosti molodezhi [On the problem of youth subjectness]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 4, pp. 16-29.

Keywords

Youth, youth subjectness, youth integration, adaptation of youth, youth values.

References

1. Babintsev V.P. (2012) Imitatsionnye praktiki v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Simulation practice in public and municipal administration]. *Vlast'* [Power], 5, pp. 24-29.
2. Babintsev V.P. (ed.) (2007) *Molodezh' rossiiskogo regiona: dukhovnye miry i zhiznennye strategii* [Youth of the Russian region: spiritual worlds and life strategies]. Belgorod: Belgorod State University.
3. Babintsev V.P., Reutov E.V., Boyarinova I.V. (2007) *Sotsial'noe autsajderstvo molodezhi pogranichnogo regiona: problemy diagnostiki i regulirovaniya* [Social outsidering of young people of the border region: problems of diagnostics and management]. Belgorod: Konstanta Publ.
4. Bariev M.M. (2006) *Institutsionalizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Respublike Tatarstan. Dokt. Diss.* [The institutionalization of the state youth policy in the Republic of Tatarstan. Doct. Diss.] Kazan.
5. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Uil'yams K. (2003) *Molodezh' v obshchestve riska* [Young people in the society of risk]. Moscow: Nauka Publ.
6. Degtyareva O.V. (2005) *Molodezhnaya politika: regional'nyi aspekt. Dokt. Diss.* [Youth policy: a regional aspect. Doct. Diss.] Novosibirsk.
7. Elishev S.O. (2015) *Molodezh' kak ob'ekt sotsializatsii i manipulyatsii* [Young people as an object of socialization and manipulation]. Moscow: Kanon+ Publ.
8. Filippov V.M. (ed.) (2007) *Molodezh' Rossii v nachale XXI veka* [Russian youth at the beginning of the 21st century]. Moscow: Russian State Technological University.
9. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: the sociological portrait]. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center.
10. Il'inskii I.M. (1999) *O molodezhnoi politike rossiiskogo politicheskogo tsentrizma* [On the youth policy of the Russian political centrism]. Moscow: Sotsium Publ.
11. Il'inskii I.M., Sharonov A.V. (1995) *Molodezh' Rossii: vospitanie zhiznesposobnykh pokolenii: доклад Komiteta Rossiiskoi Federatsii po delam molodezhi* [Russian youth: education of viable generations: report of the Russian Federation Youth Committee]. Moscow.
12. Ivanov V.N. (ed.) (2003) *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Sociological encyclopedia: in 2 vol.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.

13. Kibanov A.Ya., Lovcheva M.V., Luk'yanova T.V. (2015) *Realizatsiya molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [The implementation of the youth policy in the Russian Federation]. Moscow: Infra-M Publ.
14. Kovaleva A.I. (1996) *Sotsializatsiya lichnosti: norma i otklonenie* [Socialization of a person: the norm and the deviation]. Moscow: Institute of Youth.
15. Kovaleva A.I., Lukov V.A. (1999) *Sotsiologiya molodezhi: teoreticheskie voprosy* [Sociology of the youth: theoretical issues]. Moscow: Sotsium Publ.
16. Kozlov A.A. (1998) Tol'ko pokolenie nadezhdy! [Only the generation of hope!] *Materialy Rossiiskoi yuvenologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Molodezh' Rossii: poteryanno pokolenie ili nadezhda XXI veka?": v 2 ch.* [Proc. Conf. "Youth of Russia: the lost generation or the hope of the 21st century?": in 2 parts], Part 1. St. Petersburg, pp. 237-240.
17. Levicheva V.F. (2008) Samoopredelenie [Self-determination]. In: Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (eds.) *Sotsiologiya molodezhi: entsiklopedicheskii slovar'* [Youth sociology: encyclopedic dictionary]. Moscow: Academia Publ., pp. 416-417.
18. Lisovskii V.T. (2005) *O molodezhi i molodezhnoi politike: v 2 t.* [On the youth and youth policy: in 2 vol.], Vol. 1. St. Petersburg: Khimizdat Publ.
19. Marshak A.L., Rozhkova L.V. (2015) Zhiznennyi uspekh v predstavleniyakh rossiiskoi molodezhi [Life success in the views of Russian youth]. *SOTsIS* [Sociological studies], 8, pp. 157-160.
20. Maturana U. (1996) Biologiya poznaniya [Biology of knowledge]. In: Petrova V.V. (ed.) *Yazyk i intellect* [Language and intellect]. Moscow: Progress Publ., pp. 95-143.
21. Maturana U., Varela F. (2001) *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge. Biological roots of human understanding]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
22. Morozova T.I. (2012) *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona. Dokt. Diss.* [Regulation of youth self-organization processes in the socio-cultural environment of the region. Doct. Diss.] Belgorod.
23. Petrushenko T.K. (2013) Obrazovanie i uspekh v predstavleniyakh uchashcheysya molodezhi [Education and success in the views of students]. *Molodezhnaya Galaktika* [Youth galaxy], 9, pp. 71-77.
24. Prigozhin A.I. (1992) Problema sub"ekta – v tsentre protsessa privatizatsii [The problem of the subject in the centre of the privatization process]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 4, pp. 22-32.
25. Shendrik A.I. (1994) Kollizii tsennostnogo soznaniya rossiiskoi molodezhi v postperestroichnyi period [Conflicts of the value consciousness of the Russian youth in the post-perestroika period]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Tsennostnyi mir sovremennoi molodezhi: na puti k mirovoi integratsii"* [Proc. Int. Conf. "The world of values of today's youth: towards global integration"]. Moscow, pp. 51-59.

26. Toshchenko Zh.T. (2004) Fantomy obshchestvennogo soznaniya i povedeniya [Phantoms of public consciousness and behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 12, pp. 3-17.
27. Vishnevskii Yu.R., Shapko V.T. (2006) Paradoksal'nyi molodoi chelovek [A paradoxical young man]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 6, pp. 26-36.
28. Zapesotskii A.S. (2011) Molodezh' Rossii: problemy sotsializatsii [Youth of Russia: problems of socialization]. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of education], 11, pp. 4-17.
29. Zubok Yu.A. (2007) *Fenomen riska v sotsiologii: opyt issledovaniya molodezhi* [The phenomenon of risk in sociology: the experience of youth research]. Moscow: Mysl' Publ.
30. Zubok Yu.A. (2003) *Problema riska v sotsiologii molodezhi* [The problem of risk in the sociology of youth]. Moscow: Moscow Academy for Humanities and Social Studies.
31. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (eds.) (2008) *Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskii slovar'* [Sociology of youth. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Academia Publ.
32. Zubok Yu.A., Yakovuk T.I. (2008) *Dukhovnaya zhizn' molodezhi v transformiruyushchemsya obshchestve* [The spiritual life of the youth in the changing society]. Brest: Al'ternativa Publ.